

Т.Г. Динесман

«Прощай, немытая Россия»

Стихотворение Лермонтова «Прощай, немытая Россия» (1841) — гневная инвектива, одно из самых острых политических выступлений поэта. Восемистишие является вместе с тем глубоким выражением социально-философских взглядов Лермонтова. Высокий накал мысли и чувства задается уже первой строкой. Оскорбительно-дерзкое и вместе с тем проникнутое душевной болью определение родной страны («немытая Россия») представляло собой исключительную по поэтической выразительности и чрезвычайно емкую историческую характеристику, вместившую в себя всю отсталость, неразвитость, иначе говоря нецивилизованность современной поэту России. То обстоятельство, что предметом поэтического осмысления и отвержения стали здесь не столько отдельные черты русской действительности, сколько вся николаевская Россия как социально-историческое целое, само по себе было значительным и новым моментом для русской гражданской поэзии.

В трех последующих стихах мысль автора обогащается и углубляется. Замечательна здесь и та ясность, твердость, с которой Лермонтов ставит во главу угла действительно главную черту самодержавно-крепостнической империи («Страна рабов, страна господ»), и глубина самого понимания рабства. Оно для Лермонтова не только характеристика внешнего положения народа, меры его угнетения и несправедливости, но и печальная реальность его внутреннего, духовно-нравственного состояния в царстве произвола: «И вы, мундиры голубые, И ты, им преданный (в др. списках: “покорный”, “послушный”) народ». Ср. в «Думе» (1838): «...перед властью — презренные рабы», а также записанные Ю.Ф. Самариним (апр. 1841) слова Лермонтова: «Хуже всего не то, что некоторые люди терпеливо страдают, а то, что огромное большинство страдает, не сознавая этого». Впервые в отечественной поэзии интерпретировав «преданность» («покорность», «послушание») деспотической власти как рабство, Лермонтов во многом предвосхитил то понимание проблемы духовного рабства, которое позднее по-разному преломилось в творчестве Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Чехова.

И все это вместе взятое — крепостное рабство, жандармский произвол и жалкая «преданность» ему — предстает в поэтической формуле Лермонтова как нечто единое, чему он говорит решительное «прощай». Биографически мотивированное последним отъездом поэта на Кавказ, это «прощай» (как ранее восклицание грибоедовского Чацкого: «Вон из Москвы! сюда я больше не езду...») ощутимо шире своего непосредственного смысла. С ним входит в стихотворение вторая из двух его основных тем — образ личности, страдающей и непримиримой, страстно и бесповоротно порывающей с миром всеобщего рабства.

Предельный лаконизм, емкость, разящая афористичная отточенность каждого слова (поистине «железный стих, облитый горечью и злостью») сближают стихотворение с жанром эпиграммы. Композиционная структура стихотворения отличается одновременно простотой и сложностью. С одной стороны, оно четко разделено на две половины, каждая с собственной темой: в 1-й строфе это тема России, ее состояния, во 2-й — личности и ее «побега»; в 1-й строфе — объективированная констатация реальности, 2-я повернута в план «субъективный», здесь все окрашено присутствием лирического «Я» («сокроюсь»). Но с другой стороны, вторая строфа служит прямым продолжением и развитием первой. Называя царских сатрапов «пашами», поэт закрепляет в сознании читателя мысль о «турецком», деспотическом характере «немытой» русской действительности (ср. «Жалобы турка», 1829), а мотив «всевидящего глаза» и «всеслышащих ушей» конкретизирует, облакает в плоть тему «голубых мундиров». В свою очередь, «субъективная»

линия, развернутая преимущественно во второй части стихотворения, берет исток в самом его зачатии — «прощай», дающем произведению Лермонтова идейно-эмоциональный и интонационный настрой.

Представляя собой открытое и наиболее концентрированное (хотя, разумеется, далеко не полное и не исключающее совсем иных идейных акцентировок) выражение общественной позиции «позднего» Лермонтова, стихотворение чрезвычайно существенно для понимания его зрелого творчества. От этого произведения тянутся скрытые нити не только к «Родине» (взаимно контрастируя и дополняя друг друга, оба стихотворения раскрывают «странную любовь» поэта к родине, новый для русской литературы характер патриотизма), но и к «Пророку», и к «Завещанию», и к «Выхожу один я на дорогу», и к роману «Герой нашего времени». Впитав в себя традиции русской гражданской поэзии 1820–30-х гг. (примечательно, что 1-я строка синтаксически и ритмически воспроизводит зачин пушкинского «К морю»: «Прощай, свободная стихия...»), стихотворение Лермонтова глубиной исторической мысли поэта о единстве нецивилизованности и рабства, энергией отрицания самодержавно-крепостнической действительности, полнотой внутреннего разрыва с нею стало одним из «знамений» того духовного сдвига, который совершался в рус. обществе и иным выражением которого были «Философическое письмо» Чаадаева, «Мертвые души» Гоголя и письмо Белинского к Гоголю, споры западников и славянофилов. Слова «немытая Россия» закрепились в сознании многих поколений русских людей как афористическое выражение бедственного состояния родины.

Текстология стихотворения привлекала внимание многих исследователей. Разные точки зрения высказывались по поводу интерпретации текста, особенно в связи с различием в разных его источниках: «послушный» — «покорный» — «преданный» народ; «за хребтом Кавказа» — «за стеной Кавказа», «царей» — «вождей» — «пашей».